

УДК 316.2

Переход от мертоновской социологии к сильной программе социологии знания и его причины

Бурганова Т.А.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента
Казанского государственного энергетического университета

В статье уточняется рациональная реконструкция одного из наиболее значимых периодов развития современной социологии науки, связанного с переходом от мертоновской парадигмы к т.н. «сильной программе социологии знания» (Д. Блур, Б. Барнс). Утверждается, что, наряду с поворотом от логического эмпиризма к т.н. «исторической» школе в философии науки, не менее важную роль в этом переходе сыграло выявление ограниченности мертоновской парадигмы, связанное, прежде всего, с исследованиями в области этоса науки.

Ключевые слова: Р. Мертон, Т. Кун, Д. Блур, С. Барнс, сильная программа, социология знания.

Вплоть до 70-х гг. прошлого века социологи, занимавшиеся исследованием научной деятельности, не интересовались проблемами конструирования научных моделей, вывода эмпирических законов, работы таких инструментов, как пузырьковые камеры, лазеры или спектрометры. Все эти проблемы были отданы на откуп эпистемологам, философам науки или, на худой конец, самим специалистам в области точных наук. Вместо этого социологи ограничивались «институциональными» аспектами научной деятельности, абстрагированными от специфических исследовательских контекстов. К последним относились этические ценности и нормы, системы вознаграждения, дифференцирование статусов, конфигурации научных сообществ, ролевые требования и т.п. К «социальным» объяснениям прибегали только тогда, когда требовалось объяснить делинквентное или девиантное поведение – грубые ошибки или, скажем, плагиат и фабрикацию данных эксперимента. Как известно, ситуация значительно изменилась после начавшегося в 60-х гг. прошлого века «исторического поворота» в философии науки, ознаменовавшегося выходом в свет книги Т. Куна «Структура научных революций» и последовавших за этим публикаций работ И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Н. Хансона, С. Тулмина и др. Вслед за Т. Куном историки и философы науки стали использовать «социологические» виды

объяснений в гораздо большей степени, особенно при описании радикальных изменений в структуре и содержании научного знания. Такие авторы, как Людвиг Флек, Томас Кун, Майкл Поляни, Норман Хансон, Джералд Холтон, Имре Лакатос, Пол Фейерабенд, Стивен Тулмин и др., убедительно раскрывали значимость разного рода конвенций и творческих компромиссов в деятельности научных сообществ. Также хорошо известно, что эти исследования привели к генезису и становлению т.н. «сильной» или «эдинбургской» программы в социологии научного знания [1-3 и др.]. Важно то, что опираясь, кроме отмеченных выше, также и на работы по лингвистической философии позднего Витгенштейна, равно как и на работы английского философа и историка науки М. Хессе [4], Д. Блур и Б. Барнс смогли не только сформулировать общую теоретическую позицию, но и указать конкретные пути применения сформулированных методологических принципов к изучению конкретных случаев (*case studies*).

Не вдаваясь в детали, отметим, что суть «сильной» программы состоит в поиске таких сугубо социологических объяснений происхождения всех без исключения научных «верований» (*beliefs*), которые никак не были бы связаны с их истинностью или ложностью. Для сторонников «сильной» программы вся история науки детерминируется, прежде всего, значимыми социальными интересами

и связями. Содержание научного знания рассматривается сторонниками сильной программы как определенная результат поиска способов разрешения социальных противоречий, «узкопартийных генеалогий» научных фактов, а также переговоров о достоверности научных открытий. Технические, узкопрофессиональные стороны научной деятельности включаются теперь в сугубо социологический реестр и должны изучаться лишь как ситуативные стороны научной деятельности, но отнюдь не как методологические и эпистемологические принципы и нормы. Общая оценка достижений и неудач эдинбургской программы с очевидностью находится за пределами данной работы. Отметим лишь, что, по признанию большинства специалистов, тезис о симметрии истинных и ложных результатов до сих пор вызывает особо острую полемику. В частности, обусловленные им социально-исторические рецепты поиска механизмов, связывающих теоретические установки ученых с их социальными интересами, до сих пор не привели к значимым результатам [5]. Судя по всему, это связано с тем, что конструктивистские аргументы Д. Блур и Б. Барнса являются весьма сомнительными в свете принятия ими одновременно противоречащих друг другу реалистских и каузальных утверждений [6-7].

Справедливости ради необходимо отметить, что в процессе ожесточенной полемики некоторые положения эдинбургской программы подвергались значительным искажениям. Поэтому Д. Блур даже вынужден был оговориться, что «подобное утверждение, – что знание зависит только от социальных переменных таких как интересы, – представляется абсурдным» [3, р. 166]. Тем не менее, данное обстоятельство, суровая критика эдинбургской программы и вызванные ей «научные войны» не отменяет, с нашей точки зрения, необходимости перехода от мертоновской социологии к социологии знания, поскольку тезис о том, что содержание научного знания обусловлено не только когнитивными, но и социальными компонентами, представляется нам бесспорным. Неслучайно современная социология знания характеризуется не только неудачами, но и несомненными достижениями (см., например [8-10]). **Цель данной статьи** – сделать следующий шаг в направлении демонстрации необходимости перехода от мертоновской социологии к социологии знания и показать, что последний был обусловлен не только и не столько становлением весьма неоднозначного «исторического направления» в философии науки, сколько конкретными и четко фиксируемыми неудачами в реализации самой мертоновской программы.

Мертоновская исследовательская программа: достоинства и недостатки

Как хорошо известно, мертоновской социологии науки в эпистемологии соответствует наивно

реалистский подход, исходящий из объективности не только изучаемой Природы, но и со все большей степенью точности приближающихся к ней ее аппроксимаций (отражений). Как отчеканил в свое время еще Галилео Галилей, «выводы естественной науки истинны и необходимы, и суждения человека ничего с этим не могут поделать» (цит. по: [11, р. 19]). Действительно, все законы науки делятся на эмпирические и теоретические. Эмпирические законы – это общие утверждения, суммирующие все надежные фактуальные утверждения. Согласно конвергентному реализму (см. обзор этого направления в [6]), факты являются теоретически нейтральными. Поэтому они могут быть описаны на языке, независимом от теории – «языке наблюдений» – как некая объективная данность, являющаяся частью физического мира. Наряду с эмпирическими, существуют еще и теоретические законы, которые, как правило, из опыта не выводятся. Поэтому эти законы, в силу их принципиальной изменчивости, надо жестко отличать от эмпирических [12]. Именно последние образуют подлинный базис научного знания, поскольку они не изменяются от одной эпохи к другой и сохраняются после научных революций. Их рост описывается «кумулятивной моделью» роста научного знания [13], уподобляющей прогресс науки росту количества монет в фарфоровой копилке. Именно поэтому содержание научного знания определяется не обществом, а самой Природой. Отсюда следует, что соответствующая конвергентному реализму социология науки должна изучать не действительное когнитивное содержание научного знания, а лишь те социальные условия, которые делают возможным производство объективного знания.

Эта максима и была положена Робертом Мертоном в 1930-х гг. XX в. в основу его исследовательской программы, которая на протяжении более чем 30 лет демонстративно отказывалась от исследования содержания научного знания. Главная задача этого направления состояла в описании «комплекса ценностей и норм, связывающих воедино всех людей науки» [14, р. 268-269]. В частности, опираясь на исследования Макса Вебера, Мертон выводил «дух науки нового времени» из английского протестантизма (пуританства) с его утилитаризмом, расчетливостью, эмпиризмом, индуктивизмом, аскетизмом и т.д. В основе научного этоса, по Мертону, лежат свои собственные, специфические этические нормы. «Четыре множества институциональных императивов – универсализм, коммунизм, незаинтересованность и организованный скептицизм – составляют этос современной науки» [14, р. 270]. Подобная точка зрения сыграла немалую положительную роль в развитии науки, укореняя в ней, скажем, идеи меритократии – положения, когда в научном сообществе нет и не может быть никакой серьезной корреляции между достигнутым в науке

рангом и другими социальными переменными. В итоге, по Мертону, нормативная структура является отличительным признаком всякого действительно научного сообщества. Нормы науки рассматриваются как предписывающие ученым то, что они всегда должны быть беспристрастными, непредубежденными, самокритичными и открытыми.

Но перейдем теперь от мертоновских воздушных замков к проблемным ситуациям в реальных лабораториях и исследовательских центрах. Социальные нормы могут считаться институционализованными, только если отклонение от них наказывается, а следование им поощряется. Иначе они «повиснут в воздухе» и никто следовать им не будет. Это предполагает существование эффективной «полицейской системы» в самой науке [15, p. 85]. Но если мы рассмотрим, например, обширную литературу, посвященную распределению профессиональных наград в науке, то обнаружим, что распределение этих наград практически никак не связано с конформным поведением их получателей по отношению к этим нормам. Более того, распределение институциональных наград в науке тесно связано, прежде всего, с системой формальных научных коммуникаций. При помощи множества профессиональных научных журналов ученые сообщают своим коллегам информацию, которую они считают достаточно интересной и достоверной для коммуникации. Несмотря на то, что существуют также и другие источники коммуникации, – личная корреспонденция, препринты, выступления на конференциях, все-таки основным источником считается публикация в (престижном) научном журнале. Взамен ученые получают профессиональное признание, позволяющее получить доступ к фондам, студентам, аспирантам и т.д. Но одна из наиболее значимых особенностей этой системы состоит в том, что сама научная статья – основной источник коммуникации – должна быть написана в соответствии с очень жесткими требованиями и с предельной концентрацией именно на технических, узкопрофессиональных аспектах исследования. Всякие ссылки на характер автора, его биографию, жизненный опыт, интересы, даже мнения должны быть, по возможности, исключены. Это предназначено для того, чтобы создать «ауру анонимности», когда исследование становится «ничьим» [16]. В итоге сама обязательная форма написания научной статьи, в принципе исключаяющая любую ссылку на поведение ее автора, является важнейшим необходимым условием, исключаящим в корне распределение наград в соответствии с конформностью автора по отношению к любому принципу научной этики.

Но если это так, и если мертоновские нормы не являются нормами институционализованной нормативной структуры, какое же отношение они имеют к деятельности не идеального, а реальных научных

сообществ физико-химиков, микробиологов, генетиков и т.д. Не являются ли эти печально знаменитые нормы лишь частью «научной идеологии» [11], лишь обеспечивая лексикон, используемый учеными для маскировки своих более прагматичных интересов или для обвинения конкурентов в нарушении научной этики? В этом плане характерно сравнение научного этоса с этическими нормами вообще. Как отмечает один из ведущих социологов, «...моральные нормы не обеспечивают автоматическую конформность просто потому, что они, в некотором смысле, "существуют"... конформность не столько задается, сколько выторговывается... обычно в моральном кодексе существует не одно правило, имеющее отношение к решению и в терминах которого это решение может быть легитимизировано... То, что мы называем моралью, изменяется в соответствии с нашими целями или интересами» [17, p. 217-218]. Поэтому в основе выбора ученым той или иной интерпретации определенной нормы лежат его цели или интересы. В частности, принятие, одобрение, или непринятие той или иной парадигмы, научно-исследовательской программы обусловлены, как правило, не стремлением к фальсификации той или иной фундаментальной теории, но в гораздо большей степени локальными прагматичными интересами той или иной части научного сообщества. Поэтому, как правило, рост научного знания происходит не в результате научных революций, а в результате нахождения новых областей применения уже освоенных методов и методик исследования [18, p. 336].

В итоге, одним из существенных недостатков традиционной мертоновской социологии науки является отсутствие в ней малейшего намека на механизм неогоциации и интерпретации [19-20]. Действительно, ортодоксальная программа, исходящая из предположения о том, что социологи легко могут идентифицировать общие нормативные принципы, определяющие исследовательскую активность ученых и которые должны быть институционализированы в деятельности научного сообщества, в целом неприемлема как представляющая сверхупрощенную картину функционирования научного сообщества, по меньшей мере, по двум основным причинам. Только, согласно первой из них, научные нормы, описанные Мертоном, в лучшем случае описывают лишь весьма ограниченные сегменты реального поведения. Но более важно то, что, как общие принципы, так и этические нормы, прежде чем погрузиться в ткань реальной жизни научного сообщества, должны быть подвергнуты соответствующей интерпретации для каждого конкретного случая, каждого социально-исторического контекста проблемной ситуации. Поэтому действительное содержание этических норм социально-случайно (*socially contingent*) и обусловлено, в основном, от их [этиче-

ских норм] интерпретации различными акторами в самых разных социальных контекстах.

Литература:

1. Barnes B. Scientific Knowledge and Sociological Theory. – London: Routledge and Keagan Paul, 1974. – 204 p.
2. Barnes B., Shapin S. (eds.) Natural Order: Historical Studies of Scientific Culture. – London: Sage, 1979. – 255 p.
3. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Second Edition. – Chicago and London: The University of Chicago Press, [1976], 1991. – 203 p.
4. Hesse M. The Structure of Scientific Inference. – London: Macmillan, 1974. – 309 p.
5. Woolgar S. Interests and explanation in the social study of science // Social Studies of Science. – 1981. – Vol. 11. – P. 365-394.
6. Laudan L. The pseudo-science of science? // Philosophy of the Social Sciences. – 1981. – Vol. 11(2). – P. 173-198.
7. Woolgar S. Irony in the social study of science – In: K. Knorr – Cetina and M. Mulkey (eds.) Science Observed: Perspectives on the social study of science. – London and Beverly Hills: Sage, 1983. – P. 237-266.
8. Pickering A. Constructing Quarks. A Sociological History of Particle Physics. – Chicago: The university of Chicago Press, 1984. – 468 p.
9. Rudwick M. The Great Devonian Controversy. The Shaping of Scientific Knowledge among Gentlemanly Specialists. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1985. – 494 p.
10. Galison P. How Experiments End. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987. – 330 p.
11. Mulkey M. Science and the Sociology of Knowledge. – London: Routledge, 2015. – 120 p.
12. Scheffler I. Science and Subjectivity. – N.Y.: Hackett Publishing, 1982. – 166 p.
13. Nagel E. The Structure of Science. – London: Routledge and Keagan Paul, 1961. – 618 p.
14. Merton R.K. The Sociology of Science. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. – 605 p.
15. Storer N.W. The Social System of Science. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1966. – 180 p.
16. Gilbert G.N. The transformation of research findings into scientific knowledge // Social Studies of Science. – 1976. – Vol. 6. – P. 281-306.
17. Gouldner A.W. The Coming Crisis of Western Sociology. – N.Y.: Basic Books, 1980. – 288 p.
18. Wynne B. C.G. Barkla and the J phenomenon: a case study of the treatment of the deviance in physics // Social Studies of Science. – 1976. – Vol. 6. – P. 307-347.
19. Bohme G. The social function of cognitive structures. – In: K. Knorr, H. Strasser and H.G. Zilian (eds.) Determinants and Controls of Scientific Development, Dordrecht, Holland: Reidel. – 1975. – P. 205-225.
20. Law J. and French S. Normative and interpretative sociologies of science // Sociological Review. – 1974. – Vol. 22. – P. 581-595.

Transition from mertonian sociology to the strong programme in the sociology of knowledge

T.A. Burganova
The Kazan State Power University

A rational reconstruction of the transition from Mertonian sociology to the strong programme of the sociology of knowledge (D. Bloor, B. Barnes) is elucidated. It is maintained that the well-known 'historical turn' in philosophy of science constituted only one of the reasons that engendered the transition. The other one was the inefficacy of the Mertonian research programme to cope with the Ethos of Science. The host of four notorious basic norms appeared to be too abstract to permeate the real demeanour of scientists, being merely a part of "scientific ideology".

Key words: R. Merton, T. Kuhn, D. Bloor, B. Barnes, strong programme, sociology of knowledge.